

Халиков Р.Х.¹**Характерные черты контрсекулярной религиозности**

Упадок секуляризма обсуждается в научном сообществе уже несколько десятилетий, в связи с возвращением религии в публичное пространство во второй половине XX века, а особенно – после падения соцлагеря и религиозного пробуждения в постсоциалистических странах. Между тем, констатация смерти секуляризации рядом мыслителей не привела автоматически к пониманию природы этого религиозного мировоззрения нового типа, пришедшего на смену материализму и позитивизму. Однако черты новой религиозности проявляются сегодня всё отчетливее, и уже можно пытаться систематизировать их, опираясь на примеры из новейшей истории.

Следует отметить, что современные проявления религиозности, во многом, продолжают специфические духовные искания рубежа XIX–XX веков, которые условно можно объединить под названием «неоспиритуализма» (теософия, спиритизм, оккультизм). Уже в этих исканиях отчетливо проявились такие черты, как последовательное оппонирование материализму (при сохранении модерна сциентизма и эволюционизма), внимание к архаическому категориальному аппарату в эклектическом соединении с научной терминологией², попытка найти настоящую духовность на Востоке в связи с «деградацией» западного мира. Исследователи справедливо отмечали, что всплеск неоспиритуализма стал прямым продолжением чрезмерного доминирования секулярного рационализма³.

Позднее, уже после II Мировой, эти векторы стали определяющими для многочисленных направлений нью-эйдж. Так, Воутер Ханеграаф считает отрицание современного западного мышления основной характеристикой нью-эйдж, при том что далеко не обязательно каждое из этих направлений смогло выработать эксплицитное вероучение и предложить мировоззрение, отличное от западного⁴. Общий знаменатель в виде неудовлетворенности Западом, эклектизм и размытость собственного учения, практики, иерархии, приводят к постоянным переходам из одного направления в другое, взаимному чтению литературы разных направлений и т.д.⁵.

Вторым важным проявлением антимодерной религиозности в XX веке стал фундаментализм. Популярности этого тренда в разных религиозных традициях содействовали, среди прочего, агрессивное развитие секуля-

¹ *Халиков Руслан Халикович* [halikoffr@gmail.com] – кандидат философских наук, учёный секретарь Украинского института стратегий глобального развития и адаптации, президент Молодёжной ассоциации религиоведов (Киев, Украина) – *прим. ред.*

² Подробнее см. *Генон Р.* Царство количества и знамение времени / *Рене Генон* // Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 662–664.

³ *Эвола Ю.* Миф и ошибка иррационализма // *Лук и булава* / *Юлиус Эвола.* – СПб.: Владимир Даль, 2009. – С. 116.

⁴ *Hanegraaff W.* New Age religion and Secularization / *Wouter J. Hanegraaff* // *Numen: International Review for the History of Religions.* – V. 47. – 2000. – P. 291.

⁵ Например, к таким выводам пришли исследователи из группы под руководством Джеймса Льюиса, опрашивая представителей некоторых нью-эйдж движений.

ризма как естественного врага фундаменталистов, а также низкий уровень знаний о религиозных традициях в современной секулярной среде, из которой выходят неопиты-фундаменталисты, ранее не исповедовавшие никакой религии. Среди основных особенностей исламского фундаментализма (пожалуй, наиболее медийного примера), Юсуф аль-Кардави называет следующие:

- фанатизм и нетерпимость, нежелание вступать в диалог и уверенность в собственной правоте;
- попытка навязать свою позицию другим (в том числе путём насилия и принуждения), а не просто её последовательное отстаивание;
- избрание более жёсткой из нескольких равно легитимных стратегий поведения в конкретной ситуации;
- негативное отношение к оппонентам, подозрение их в отходе от чистоты традиции, готовность применить репрессии к инакомыслящим;
- чрезмерное внимание второстепенным для традиции вопросам (принятие пищи, пользование техникой, стиль одежды и т.д.)⁶.

Подобные черты присущи не только исламскому фундаментализму, но и христианскому, иудейскому и т.д. Фундаменталисты не только противопоставляют другим течениям в границах собственной религии, но и противопоставляют себя светской культуре, олицетворяемой секулярным Западом. Собственно, фундаменталисты обвиняют своих оппонентов как раз в секулярности и приверженности западному образу жизни, подчас находя больше точек соприкосновения с фундаменталистами из другой религиозной традиции, нежели с модернистами-единоверцами.

На рубеже XX–XXI веков приход на смену секуляризованному обществу нового, пока ещё нечёткого типа неоднократно артикулировался разными интеллектуалами, включая Ю. Хабермаса⁷, З. Баумана и других. Этот новый тип мировоззрения характеризуется религиозностью, которую можно более точно охарактеризовать как религиозность контрсекулярную. В своём противостоянии Модерну она продолжает тренды, заложенные неоспиритуализмом, нью-эйдж, фундаментализмом, но имеет и ряд характерных особенностей, в силу которых иногда сама принадлежность контрсекулярности к религиозному мировоззрению может быть поставлена под сомнение. Неоднократно было отмечено, например, что представители «Исламского государства» не отличаются особым рвением в исполнении религиозных обрядов и знанием канонической литературы, догматики ислама⁸. Носители новой религиозности слабо включены в официальные религиозные структуры, и это характерно не только для джихадистов, но и, например, для представителей ряда православных

⁶ *Аль-Кардави Ю.* Исламское пробуждение: между отрицанием и экстремизмом / Юсуф аль-Кардави; пер. с англ. Р. Кулиева. – К.: Ансар Фаундейшн, 2011. – С. 26–50.

⁷ *Habermas J.* Faith and Knowledge / Jurgen Habermas // The Frankfurt School on Religion; [tr. from germ. by H. Beister and W. Rehy]. – NY&London: Routledge, 2005. – P. 328.

⁸ *Mosendz P.* ISIS Captors Didn't Carry Koran, Former Islamic State Hostage Says [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsweek.com/isis-captors-didnt-carry-koran-says-former-islamic-state-hostage-304386>.

организаций Украины (в т.ч. братств), лидеры которых часто либо запрещены в служении, либо даже отлучены от церкви, а их деятельность неоднократно осуждалась официальной иерархией⁹.

Разрыв с официальными иерархическими структурами свидетельствует о коренном отличии контрсекулярной религиозности от традиционной. Носители контрсекулярной религиозности ориентируются не только на современные технологии распространения идеи и мобилизации (средства Web 2.0, пресса, маркетинговые приёмы), но также на современные мировоззренческие особенности (прогрессизм, историзм, сциентизм и т. д.), и в этом смысле так же противостоят традиционной религиозности, как и современной секулярности. Можно сопоставить контрсекулярные религиозные движения со сторонниками т. н. «традиционных ценностей», которые также выступают против современной западной цивилизации, но сущностно представляют проект Модерна¹⁰. Богословские авторитеты контрсекулярных религиозных движений пользуются чаще всего средствами современной коммуникации, популярны в соцсетях, но практически не известны в богословском сообществе. Яркими примерами могут выступить авторитетнейшие пропагандисты ИГ, вроде австралийца Мусы Серантонио, призыв которых отправил в Сирию и Ирак сотни бойцов со всего мира, хотя сами они там никогда не бывали, и знают ситуацию в «Халифате» из третьих рук.

Однако контрсекулярность представляет собой религиозное мировоззрение не только в силу формальной самоидентификации с той или иной традицией (например, с исламом или христианством), но и характера борьбы с секулярным устройством как олицетворением зла. В отличие от эскапистских настроений неоспиритуализма начала XX века, сторонники контрсекулярной религиозности активно, вплоть до насилия, пытаются бороться с материалистическим Западом. Эту черту иногда называют «окцидентофобией», то есть ненавистью к Западу. Если носители традиционной религиозности в своих упреках в сторону антирелигиозности западного мировоззрения сосредотачиваются на необходимости вернуться к религиозным истокам западной цивилизации, то носители религиозности контрсекулярной выступают за уничтожение западной цивилизации. На такое фундаментальное отличие в подходах обращает внимание в своих текстах, например, Б. Кнорре, говоря, что постсоветская церковность имеет за плечами лишь 25 лет, и именно для её носителей характерно враждебное отношение к Западу как врагу, а не конкуренту или оппоненту¹¹. Новое массовое обращение даже в уже зрелую религиозную

⁹ См., например: Крестный ход в Киеве: нет – гриппу, НАТО, ИНН и диалогу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.religion.in.ua/news/ukrainian_news/2318-krestnyj-xod-v-kieve-net-grippu-nato-inn-i-dialogu.html.

¹⁰ Белокобыльский А.В. Кризис модерна и глобальные риски будущего / Александр Белокобыльский // Модернізація соціогуманітарного простору: історичний досвід, виклики та перспективи : Збірка матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю. – Вінниця: Scientific Publisher, 2015. – С. 170.

¹¹ Поворазнюк С. На борьбу с дьяволом, бесами и падашими духом: Религиовед Борис Кнорре – о том, зачем теология пришла в большую науку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.lenta.ru/articles/2015/10/19/knorre/>.

традицию сопровождается типичными для новой религиозной системы явлениями – присущему неوفитам гипертрофированному чувству собственной правоты, умноженному на ограниченные фактические знания о традиции.

Ощущение своего противостояния с Западом как борьбы Добра со Злом связано с ещё одной особенностью контрсекулярной религиозности – высоким уровнем эсхатологических ожиданий. Так, в конфликте на Ближнем Востоке и сторонники, и противники ИГ неоднократно публично подтверждали своё отношение к происходящему как реализации мусульманских пророчеств о финальной эсхатологической битве на территории Сирии. Например, в видео “No Respite”, опубликованном 24 ноября 2015 года компанией “Амак” от имени ИГ, силы коалиции сравниваются с войском кафиров, которое должно под 80 флагами столкнуться с войском мусульман перед наступлением Судного дня. Неоднократно в эсхатологическом ключе толковалась битва за сирийский город Дабик (также фигурирующий в эсхатологических пророчествах), проходившая осенью 2016 года между силами ИГ и протурецкой ССА.

Ещё одна черта контрсекулярной религиозности – своеобразная архаизация мировоззрения, сознательный отказ от схоластического богословия и культурного наследия в пользу более простых взглядов, соблюдения религиозной практики, без чрезмерного аскетизма. Даже готовность к самопожертвованию, например, джихадисты из ИГ нередко реализуют в виде отправки на фронт вместо себя своего раба из числа захваченных в плен (допустимая в раннем исламе практика). С другой стороны, часто встречается и активное участие в вооружённых конфликтах как форма проявления благочестия. Можно предположить, что отказ от схоластики трактуется как отказ от всего мешающего реализовать идеал святого-борца с бездуховностью. Стремление к простоте практики и богословия может воплощаться как в агрессивной форме (например, нигерийская организация “Боко Харам”), так и в мирной (например, движения, подобные “Звеньящим кедром России”). Известно, что на постсоветском пространстве к движениям анастасиевцев, неоязычников и подобным часто присоединяются представители интеллигенции. Их привлекает в этих движениях возможность отказаться от приоритетов западного образа жизни в пользу простой жизни на природе, лелеяние национальных традиций в противовес глобализации и вестернизации. Простые вероучение и практика привлекательны для людей, которые пытаются восстановить свою религиозность после десятилетий атеистического воспитания, когда тяга к трансцендентному интенсивна, но не хватает не только собственной осведомлённости в религиозных вопросах, а и образованных авторитетов, к которым можно обратиться за советом.

Таким образом, контрсекулярная религиозность является современным проявлением религиозной идентичности, которое продолжает антимодерные тренды, заложенные ещё на рубеже XIX–XX веков, но подпитывается именно модерными соками. Кроме агрессивной антимодерности и окцидентофобии, присущих предшествующим движениям, можно отметить некоторые специфические черты. Во-первых, на фоне вооружённых конфликтов обострились эсхатологические ожидания, и даже возникла тенденция активно способствовать приходу конца света. Запад стал вос-

приниматься как абсолютное зло, финальная битва с которым уже началась и требует полной мобилизации верующих. Во-вторых, за последние десятилетия значительно увеличилось количество людей, которые после нескольких поколений насильственной секуляризации (это не только постсоциалистические страны, но и ближневосточные, а также третье поколение мигрантов в Западной Европе) обратились в религию. Степень увлечённости у этих неофитов относительно высокая, тогда как уровень образованности – наоборот. В-третьих, контрсекулярная религиозность тяготеет к сознательной архаизации доктрины и практики, отказу от интеллектуального наследия своей традиции, отказу следовать за представителями официальной иерархии. Часто у представителей контрсекулярной религиозности есть собственные авторитеты, популяризирующие свои взгляды в соцсетях и блогах, не признанные официальными духовными и богословскими авторитетами. Контрсекулярная религиозность является новым трендом, который отвечает на запросы современного мира, продолжая и заостряя тенденции, присущие предшествующим типам анти-модерной религиозности.

